

Японские исследования. 2018. № 4. С. 44–59.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 44–59.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года»

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Феномен политической коррупции в Японии в период «системы 1955 года» проявлялся в том, что значительная часть финансовых потоков в политическую сферу, обеспечивавших функционирование системы однопартийного правления ЛДП, носила теневой характер и противоречила духу закона о регулировании политических фондов и закона о выборах общественных должностных лиц.

Парламентариям от ЛДП было крайне сложно или практически невозможно обеспечить функционирование своей «политической машины» без поиска и получения колоссальных денежных средств, поэтому значительную их часть приходилось получать из сомнительных источников. В результате время от времени происходили скандалы (дело «Локхид», дело «Рикруто», дело «Сагава Кюбин»), свидетельствовавшие об огромном масштабе нарушений политиками этих норм и ограничений, а также о регулярных злоупотреблениях ими своими политическими фондами.

При этом особенность законодательной среды заключалась в том, что регулирование политических фондов было существенно более жёстким в отношении политических партий, чем прочих организаций, вовлечённых в политическую деятельность, включая фракции и личные политические структуры отдельных политиков. Антикоррупционные законы были по содержанию крайне расплывчатыми и имели множество лазеек, позволявших легко уклоняться от них. Они стали эффективным инструментом против коррупции только после проведения в 1994 г. радикальной политической реформы.

Свою роль в распространении коррупции в политической среде сыграли также особенности национальной психологии, в частности, терпимость общественного мнения к умеренным проявлениям коррупции и готовность простить виновных, если те проявляют внешние признаки раскаянья. Кроме того, значимым был и фактор слабости и раздробленности оппозиции, который не позволял политическим скандалам иметь крупные и болезненные для ЛДП последствия. Многие правящей партии сходили с рук потому, что оппозиционные партии не представляли для избирателей реальной альтернативы власти ЛДП, а их лидеры также оказывались вовлечёнными в коррупционные скандалы.

Ключевые слова: политическая коррупция, «система 1955 года», Либерально-демократическая партия, закон о регулировании деятельности политических фондов, политические скандалы, дело «Рикруто», политическая реформа.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

Political corruption in Japan during the “1955 system”

D.V. Streltsov

Abstract. The phenomenon of political corruption in Japan during the “1955 system” manifested itself in the shady nature of most financial flows ensuring the functioning of the system of one-party rule by the LDP. This shady system of financing essentially contradicted the spirit of the Political Funds Control Law and the Public Offices Election Law.

It was almost impossible for the LDP MPs to ensure the functioning of their “political machines” without acquiring extraordinarily large monetary funds, so a significant part of them had to be obtained from dubious sources. As a result, political scandals erupted in Japan from time to time (the Lockheed scandal, the Recruit scandal, the Sagawa Kyubin scandal), revealing the enormous scale of violations of these norms and restrictions by politicians, as well as their regular abuse of political funds.

At the same time, legal regulation of political funds was significantly more stringent regarding political parties, as compared to other organizations involved in political activities, including LDP factions and personal political structures maintained by individual politicians. Anticorruption laws were extremely vague in content and had many loopholes making it easy to evade them. They became an effective tool against corruption only after the radical political reform of 1994.

The ethno-psychological peculiarities of the Japanese people also played a certain role in the spread of political corruption. In particular, it was the public opinion’s tolerance for moderate manifestations of corruption and the willingness to forgive those responsible if they show external signs of repentance. In addition, the weakness and fragmentation of the opposition, which prevented political scandals from having large-scale and painful consequences for the LDP, was a significant factor as well. The LDP got away with a lot of things because the opposition parties did not provide the voters with a real political alternative, and because their leaders were also involved in corruption scandals.

Keywords: political corruption, the “1955 system”, the Liberal Democratic Party, Political Funds Control Law, political scandals, the Recruit scandal, political reform.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com

Политическая коррупция была характерной чертой политической системы Японии со времён Второй мировой войны. В результате послевоенных демократических реформ источником суверенитета стал народ, а парламент, объявленный единственным высшим законодательным органом страны и символом народовластия, стал центром политической системы страны. Передача власти японскому парламенту в числе прочего отчасти способствовала появлению и развитию феномена политической коррупции в послевоенной политике.

Частота и интенсивность коррупционных скандалов в японской политике была связана с организационно-управленческими и финансовыми особенностями системы японских

политических партий. Либерально-демократическая партия в период «системы 1955 года» не имела сильных источников финансирования, основанных на партийных взносах либо связанных с партийной деятельностью (например, от доходов от распространения партийных изданий). Основную часть её бюджета (более 75 % в 1981 г.) [Макаров, 1988, с. 128] составляли политические пожертвования со стороны корпоративного сектора. Однако гораздо больший объём средств на политические нужды, и прежде всего связанные с проведением электоральной политики, поступали к ЛДП не в виде централизованных пожертвований в адрес партии, а через неформальные механизмы финансирования внутрипартийных фракций и отдельных депутатов.

Для сохранения своей власти правящей партии требовалось обеспечить бесперебойное поступление крупных денежных средств к лидерам внутрипартийных фракций, с последующим их перераспределением между их рядовыми членами. Поскольку на выборах соперниками кандидата от ЛДП выступали кандидаты от других фракций своей же партии, а не других партий, именно финансовая состоятельность фракционного руководства выступала залогом победы – поражение же означало, что депутатское место уходило к соперничающей фракции. Это порождало бесконечное соревнование «денежных мешков» – лидеры фракций ЛДП с каждыми новыми выборами были вынуждены аккумулировать всё больше и больше средств, чтобы удовлетворить потребности всех членов своей фракции. В результате выборы становились всё более и более дорогим удовольствием. По разным оценкам, в 1980-х – начале 1990-х годов кандидаты от ЛДП превышали лимиты расходов на ведение избирательных кампаний, установленные законом, в диапазоне от 6 до 13 раз и выше.

Политическая коррупция проявлялась в форме действий, которые были связаны с нарушениями законов о выборах общественных должностных лиц, о регулировании деятельности политических фондов, а также уголовного законодательства (например, получение взяток и неуплата налогов).

Принятый в 1948 г. Закон о регулировании деятельности политических фондов является и по сей день основным регулятором правил финансирования политической деятельности. Его цель заключалась в том, чтобы предотвратить коррупцию, поставив в равные условия все политические партии, обеспечить прозрачность финансирования избирательных кампаний выборных должностных лиц. Закон запрещал производить перечисление «политических денег» непосредственно на личный счёт депутата. Для этих целей предусматривались специальные политические организации, все финансовые операции которых подлежали публичному декларированию. Законом были установлены годовые лимиты финансовых пожертвований, в случае превышения которых от субъектов политической деятельности требовалось представлять специальную декларацию с указанием точных сумм перечислений, а также название юридического или физического лица, осуществляющего пожертвования [Carlson, 2011, p. 71].

В свою очередь, Закон о выборах общественных должностных лиц устанавливал лимиты на суммы, которую кандидаты могут потратить в период избирательной кампании. Лимиты расходов зависели от количества зарегистрированных голосов избирателей в пересчёте на одно депутатское место и от общей численности избирателей округа.

На практике все политические субъекты (отдельные политики, политические партии и отдельные фонды) с момента вступления антикоррупционных законов в силу находили способы обойти правовые ограничения. В период «системы 1955 года» периодически разоблачались лишь некоторые из наиболее вопиющих нарушений, каждый раз по итогам разбирательств правила ужесточались – и цикл повторялся.

Это было в немалой степени связано с тем, что в своей первой редакции закон уделял основное внимание регулированию политических фондов в отношении политических партий и организаций, тогда как отдельные политики не сталкивались с какими-либо серьёзными ограничениями. Само понятие «политической организации» было определено в чрезвычайно широких терминах. Хотя каждая организация была по закону обязана периодически публиковать информацию о своих доходах (включая общую сумму полученных ими пожертвований) и расходах с их подробной детализацией, никакого стандартного формата отчётности о расходах законом предусмотрено не было. В результате было трудно понять общую картину расходов на политические цели, и, прежде всего, связанных с проведением избирательных кампаний. Кроме того, законом не предусматривалось никаких санкций за несоблюдение требования представления отчётности, в результате чего многие политические структуры на практике не публиковали её вообще. Хотя в законе имелось положение о штрафах за фальсификацию отчётов, их субъекты практически не привлекались к ответственности. Таким образом значительная часть реальных финансовых потоков в политической сфере оставалась скрытой.

В послевоенный период требования в отношении декларирования политических фондов были существенно более жёсткими в отношении политических партий, чем отдельных политиков, в связи с чем политическое финансирование со стороны корпораций шло в основном через личные организации по сбору политических фондов депутатов парламента либо организации, созданные партийными фракциями. Этому способствовало ещё и то, что политикам не запрещалось иметь сразу по несколько политических организаций, что позволяло получать крупные пожертвования от одной корпорации путём разброса денежных средств по различным счетам с тем, чтобы уложиться в лимиты и, таким образом, избежать необходимости декларировать имя жертвователя. По некоторым оценкам, к началу 1990-х годов наиболее влиятельные депутаты имели по несколько десятков таких организаций [Пантелеева, 2009, с. 158].

Имелось и множество других способов легально уклониться от декларирования источников политических фондов. Широкое распространение получил формат т.н. политических вечеров – платных выступлений политиков перед публикой. Выручка за билеты на такие мероприятия (стоимостью 30 тыс. иен и более), которые приобретались в основном на корпоративные средства, не подлежала декларированию в качестве политических пожертвований. Ещё одна возможность – неполитические («добровольные») организации. Не испытывая давления закона о политических фондах, «добровольные организации» служили исключительно удобной ширмой для сбора политических пожертвований под какой-нибудь «благородной» вывеской (например, на экологические или культурно-воспитательные нужды). В результате потоки политических фондов приобретали всё более теневой, а порой

и криминогенный характер. К началу 1990-х годов стало ясно, что без коренного изменения порядка финансирования депутатской деятельности оздоровление политической сферы оказывается невозможной.

В результате финансовые потоки в адрес политиков с лёгкостью пересекали черту, отделяющую дозволенное от недозволенного. Это стало причиной коррупционных скандалов, которые сотрясали страну уже сразу после войны. Например, в 1948 г. вспыхнул скандал «Сёва дэнко», когда руководители одноимённой компании, крупнейшего в Японии производителя удобрений, были уличены во взятках высокопоставленным правительственным чиновникам в обмен на получение низкопроцентного кредита. В ходе этого скандала было арестовано 64 человека, в том числе действующий министр (глава Агентства по экономической стабилизации), бывший премьер-министр Х. Асида, 9 действующих или бывших депутатов парламента. В конечном счёте обвинительный приговор получили 43 человека, включая Х. Асиду [Curtis, 188, p. 161].

В 1950-е годы коррупционные скандалы продолжились. Крупнейшими из них был разгоревшийся в 1954 г. «судоостроительный скандал» – целый ряд компаний в судоостроительной сфере давали взятки и платили «откаты» государственным чиновникам и руководству ЛДП в обмен на получение государственных контрактов и субсидий. В скандал оказался замешан тогдашний генеральный секретарь ЛДП Э. Сато. Сато удалось тогда избежать ареста благодаря личному вмешательству премьер-министра С. Ёсида, а позднее, в 1956 г., его дело было прекращено в рамках общей амнистии, объявленной в ознаменование вступления Японии в Организацию Объединённых Наций.

В 1966 г., когда Э. Сато сам стал премьер-министром, в Японии разгорелось сразу несколько коррупционных скандалов, получивших общее название «скандалов чёрного тумана» («курой кири дзикэн»)¹, в ходе которых вскрылись факты получения лидерами ЛДП взяток от частных компаний за помощь в получении правительственных кредитов. Широкое публичное обсуждение данной темы привело к тому, что Э. Сато пришлось в январе 1967 г. распустить парламент [Curtis, 1988, p. 161].

Крупнейшим скандалом, оставившим свой заметный след в политической истории Японии, стал разгоревшийся в 1976 г. скандал Локхид – по названию американской авиастроительной корпорации Lockheed. Эта компания, как выяснилось, делала регулярные «пожертвования» премьер-министру Танака Какуэй с целью гарантированных продаж американских самолётов японским компаниям. В феврале 1976 г. в американском сенате прозвучали признания вице-президента Lockheed, согласно которым компания заплатила США 500 млн иен (около 3 млн долл. США) в виде «финансовой помощи» премьер-министру Танака Какуэй в качестве благодарности за содействие в сопровождении контрактов [Curtis, 1988, p. 163]. В результате полугосударственная японская авиакомпания ANA отказалась от запланированного контракта с корпорацией McDonnell Douglas, по которому она должна была

¹ Понятие «чёрный туман» восходит к роману японского писателя детективного жанра Мацумото Сэйтё «Японский чёрный туман» (1960), в котором данное словосочетание обозначает «скрытую или спрятанную несправедливость и криминал». В дальнейшем этот термин стал использоваться в более широком смысле для обозначения политической коррупции в Японии.

закупить самолеты DC-10, и сделала выбор в пользу авиапарка Lockheed (самолётов L-1011 TriStar).

16 августа 1976 г. К. Танака, тогда уже бывшему премьеру, было предъявлено обвинение в получении взятки. Обвинительный приговор был вынесен только 12 октября 1983 г. Танака был приговорён к четырём годам лишения свободы и штрафу, равному сумме взятки, которую он получил от Локхида.

Несмотря на осуждение, Танака не покинул свой парламентский пост, но вышел из ЛДП, продолжая оставаться независимым депутатом. Его электоральные позиции не ослабли, поскольку он очень хорошо заботился о своём избирательном округе. Избиратели его родного округа в префектуре Ниигата были бенефициарами гораздо более щедрых бюджетных ассигнований, чем в какой-либо другой префектуре: за каждую иену налогов, отправленных в Токио, они получали три взамен [Hayes, 2018, p. 88]. Среди крупнейших инфраструктурных проектов, полученных префектурой при помощи К. Танака, особенно следует выделить строительство связавшей её с Токио скоростной железнодорожной магистрали Синкансэн (затрачено было около 6,3 млрд долл.) [Hayes, 2018, p. 88], которая по числу перевозимых пассажиров существенно уступала другим направлениям. С 1986 г. из-за ухудшения здоровья влияние Танака стало ослабевать, но он, руководя крупнейшей в ЛДП фракцией, продолжал оставаться кингмейкером японской политики. В конце концов он был вынужден отказаться от формального контроля над своей фракцией, передав её политикам следующего поколения, которые в свою очередь сами позднее оказались втянутыми в коррупционные скандалы.

В 1992 г. дело Танака было доведено до Верховного суда. Суд должен был принять решение о приемлемости использования в суде показаний, полученных в США и использовавшихся в первоначальном судебном процессе. Дело затянулось, и Танака умер в декабре 1993 г., не дожив до окончания судебного процесса.

Скандал Локхид и иные коррупционные скандалы, проявившиеся в середине 1970-х годов, заставили правящую партию предпринять некоторые шаги для исправления своего имиджа и улучшения ситуации в деле регулирования политических пожертвований. Этому предшествовала ожесточённая внутрипартийная борьба вокруг вопроса о преемнике К. Танака, который ещё до скандала Локхид был вынужден в конце 1974 г. уйти в отставку с поста премьер-министра из-за обвинений в злоупотреблениях с недвижимостью. Руководство ЛДП оказалось расколотым по вопросу о том, кто должен прийти ему на смену. Многие были обеспокоены тем, что неспособность партии предпринять убедительные шаги для решения проблемы коррупции может существенно повредить ей на выборах, а в худшем случае привести к партийному расколу. Не имея возможности договориться между собой о преемнике и опасаясь, что открытая фракционная борьба разорвёт партию на части, лидеры фракции ЛДП согласились передать решение в руки Сиина Эцусабура, политика старшего поколения, который занимал пост высшего партийного советника. Решение Сиина, вошедшее в историю, заключалось в том, чтобы передать бразды правления лидеру небольшой фракции из побочного течения ЛДП Мики Такэо, который получил прозвище «мистер чистый» за свою личную непричастность к коррупционным скандалам.

Именно Мики внёс в конце 1974 г. инициативы об изменении законодательства, в соответствии с которыми любые корпоративные пожертвования предполагалось упразднить в течение трёх лет, а политические фонды должны были наполняться за счёт частных пожертвований от физических лиц. В качестве переходной меры корпоративные пожертвования предлагалось лимитировать в соответствии с собственным капиталом корпораций. Несмотря на брожение внутри партии, Т. Мики проявил твёрдость и в феврале 1975 г. разослал личное письмо своим коллегам по парламентской фракции с обоснованием собственной позиции. Однако от полной отмены корпоративных пожертвований ему пришлось отказаться – после консультаций с высшим партийным советником Э. Сиина он ограничился рекомендацией о том, чтобы ЛДП в течение пяти лет покрывала свои управленческие расходы только за счёт партийных взносов и пожертвований физических лиц.

Поправки в законы «О регулировании деятельности политических фондов» и «О выборах государственных должностных лиц» были приняты летом 1975 г. в последний день сессии парламента. Голосование в палате советников неожиданно принесло равенство голосов (117 за и 117 против), и лишь голос спикера палаты Коно Кэндзо позволил провести поправки через парламент [Masumi, 1995, p. 231].

Изменения в Закон касались ужесточения правил раскрытия информации. Были введены более узкие рамки определения «политической организации», исключая произвольную трактовку этого термина, и одновременно установлены количественные ограничения на политические пожертвования. Физические лица получили право ежегодно вносить пожертвования на сумму до 20 млн иен в адрес политических партий и политических фондов (зарегистрированных отдельными депутатами парламента). Субъекты финансирования (бизнес-структуры, профсоюзы, профессиональные ассоциации) были разбиты на категории в зависимости от размера их уставного фонда, соответственно, была введена градация пожертвований при максимально разрешённом объёме 100 млн иен в год. Взносы в пользу фракций и других политических ассоциаций были ограничены 50 % от разрешённого объёма пожертвований в адрес партий. Политические пожертвования запрещалось делать любым субъектам, получающим государственные субсидии или инвестиции со стороны государства [Masumi 1995, p. 232].

Основная цель изменения законодательства заключалась в том, чтобы переориентировать финансовые потоки от индивидуальных политиков, которые работали напрямую с избирателями, и от фракций в направлении политических партий. Кроме того, были сделаны послабления в правилах финансирования, призванные поощрять индивидуальные пожертвования в политическую сферу, в противовес корпоративным [Mitchell, 1996, p. 120].

Согласно установленным правилам, партии должны были публиковать в своей отчётности имена всех своих спонсоров, сделавших пожертвования на сумму более 10 тыс. иен в год. Прочие виды политических организаций или структур, вовлечённых каким-то образом в политическую деятельность (фракции, «общества поддержки», профсоюзы и т.д.), должны были теперь сообщать обо всех пожертвованиях, если они превышали 1 млн иен в год. Иными словами, пожертвования частного лица в адрес ЛДП на сумму 10 тыс. иен подлежало декларированию, тогда как пожертвование того же лица в адрес политического фонда К. Танака

«Эцудзанкай» объёмом в 900 тыс. иен, никакого декларирования не требовало. Именно поэтому основная часть личных политических фондов политиков, имеющих государственную регистрацию, на законных основаниях декларировали только незначительную часть своих доходов: например, в 1976 г. политическая организация премьера Т. Фукуда отчиталась только о происхождении 9 % от общей суммы в 270 млн иен годового дохода. К тому же закон не запрещал политикам создавать сразу несколько политических фондов, в результате чего лимит в 1 млн иен не соблюдался [Masumi, 1995, p. 232]. Справедливости ради стоит отметить, что новая редакция закона сократила «аппетиты» в запросах на политические пожертвования, так как корпорациям стало легче, ссылаясь на букву закона, отказывать в случаях, если запрос превышал 1 млн иен.

В 1980 г., когда были осмыслены уроки скандала Локхид, закон «О регулировании политических фондов» был ужесточён ещё сильнее. Особенно это касалось политических пожертвований в отношении отдельных политиков – были введены новые требования к отчётности для политических структур (фондов), используемых политиками для получения политических пожертвований.

Принятые изменения не предотвратили дальнейших коррупционных скандалов, которые в конце концов подточили систему однопартийного господства ЛДП. Наиболее крупным и резонансным политическим скандалом явился т.н. скандал «Рикруто» (1988–2001). Компания Recruit Co. (по-японски Рикруто) была основана в 1960 г. студентом Токийского университета Эдзоэ Хиромаса как рекрутинговая фирма. Компания, начавшись с объявлений в университетских газетах, пережила период бурного роста и стала к середине 1980-х годов одной из крупнейших рекрутерских фирм страны. Будучи аутсайдером японского делового истеблишмента, Х. Эдзоэ после вхождения в бизнес-элиту страны стремился, как и многие другие нувориши, использовать деньги для получения соответствующего своему богатству социального статуса, обретения связей с властью предрержащей и получения возможностей напрямую воздействовать на принятие правительственных решений.

Схема, предложенная Эдзоэ, была проста и по-своему гениальна. Он предлагал своим «клиентам» из числа высокопоставленных политиков, видных общественных деятелей, руководителей ряда СМИ и бюрократов купить акции Recruit Cosmos Co., дочерней компании по недвижимости The Recruits group, до их листинга на Токийском фондовом рынке, с изначальным пониманием обеими сторонами сделки того, что эти акции существенно взлетят в цене после листинга. Иными словами, речь шла о злоупотреблениях в использовании инсайдерской информации. Кроме того, компания Эдзоэ приобрела большое количество билетов на политические вечера целого ряда ключевых политиков (например, одно из пожертвований в адрес Кайфу Тосики составило 14 млн иен) [Hrebegar, 1992, p. 75]. «Рикруто», кроме того, пообещала предоставить политикам своих сотрудников для использования во время избирательных кампаний. В свою очередь, законодатели должны были предоставить «Рикруто» услуги и принять решения, которые помогли бы ему расширить свой бизнес.

В числе покупателей акций Recruit Cosmos, часто с использованием кредита от аффилированной с «Рикруто» компанией First Finance, можно назвать президента газетной компании «Нихон кэйдзай», вице-президента газетной компании Yomiuri, президента

телекоммуникационного гиганта Японии NTT, нескольких административных заместителей министра и т.д. Что касается политиков, им было продано акций и передано пожертвований на сумму более 1,3 млрд иен (около 10 млн долл. США). Показательным является признание премьер-министра Н. Такэсита, который заявил, что за несколько месяцев до вступления в должность он получил не менее 151 млн иен в виде акций от Recruit Cosmos и билетов на политические вечера. Позднее он же признался, что получил от «Рикруто» ещё 50 млн иен (381 тыс. долл. США), о чём забыл сообщить [Hrebegar, 1992, p. 75]. В общей сложности более двух миллионов акций компании Recruit Cosmos были проданы 159 деятелям из мира политики, бюрократии, средств массовой информации, академических кругов и бизнес-сообщества [Curtis, 1999, p. 75].

В 1988 г., уже после того, как сомнительные сделки стали достоянием общественности, 11 депутатам членов парламента было предъявлено обвинение во взяточничестве. Судебный процесс по делу «Рикруто» длился 13 лет и включал 322 слушания [Corruption and government, 2010].

В реальности судебное разбирательство вокруг скандала «Рикруто» коснулось только двух политиков – генерального секретаря кабинета министров в правительстве Накасонэ (за его усилия по недопущению негативных для компании изменений закона о рекрутинге) и члену партии Комэйто (за внесение в повестку дня парламента вопросов в выгодном для «Рикруто» ключе). Прокуратура так и не смогла найти доказательств того, что другие политики помогали «Рикруто» с использованием своего служебного положения. По японскому законодательству, получение денег политиком в обмен на обещание «быть полезным» не является взяточничеством в случае, если этот политик не занимает какого-либо ответственного поста в той сфере деятельности, к которой относится ожидаемая услуга [Curtis, 1999, p. 75].

Однако это не означало, что прочие политики, попавшие в сети «Рикруто», отделались лёгким испугом. В скандал оказались так или иначе вовлечены все лидеры основных фракций ЛДП, кроме фракции Комото. Деньги от «Рикруто» получали также крупные политики оппозиционных партий (в отставку были вынуждены уйти лидер СПЯ Цукамото Сабуро и председатель Комэйто Яно Дзюнья [Hrebegar, 1992, p. 75]. Со своего поста после противоречивых и неубедительных оправданий в «незнании» и перекладывания ответственности на личного секретаря был вынужден уйти Миядзава Киити – министр финансов в кабинете Такэсита и ещё три члена кабинета, а также сам премьер-министр Н. Такэсита. В отставку подали и личные секретари лидеров ЛДП Абэ и Миядзава, а личный секретарь Такэсита покончил с собой, когда стало ясно, что его боссу не уйти от ответственности.

Поскольку продажа акций Recruit Cosmos пришлась на период премьерства Я. Накасонэ, тому пришлось взять на себя формальную ответственность и выйти из ЛДП. Однако он сохранил своё место в парламенте и два года спустя, в апреле 1991 г., когда страсти поутихли, вернулся в ЛДП, а в ноябре того же года был назначен на должность высшего советника ЛДП.

В результате скандала «Рикруто» колоссальный ущерб был нанесён бюрократии, которая ранее пользовалась безупречной репутацией. В обществе давно уже смирились с тем, что политики в своей массе коррумпированы, однако честность и незапятнанность бюрократии

была принята почти как символ веры. Эта вера была разрушена, когда выяснилось, что высшие должностные лица в министерствах образования и труда брали взятки от рекрутинговой компании.

После скандала общественность стала проявлять гораздо меньшую терпимость к политической коррупции. Будучи возмущёнными скандалами с многомиллионными взятками, в которые были вовлечены самые высокопоставленные политики страны, японские избиратели впервые за долгие годы отказали ЛДП в доверии, «прокатив» её на выборах в палату советников летом 1989 г. ЛДП впервые за 35 лет потеряла большинство, уступив его оппозиции (ЛДП получила 36 мест, СПЯ – 46). Помимо скандала «Рикруто», факторами недовольства избирателей были решение кабинета Такэсита о введении 3 %-го потребительского налога, а также открытие внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции, вызвавшее крайне негативную реакцию фермеров – одного из наиболее лояльных ЛДП электоральных сегментов [Stockwin, 2008, p. 75].

Последним в ряду политических скандалов, сотрясавших Японию в эпоху «системы 1955 года», следует назвать дело «Сагава Кюбин». Токийская транспортная компания с одноимённым названием, специализировавшаяся на грузовых перевозках, как выяснилось, делала политикам пожертвования, которые существенно превышали законодательные лимиты, с целью обеспечить себе хорошую позицию в дерегулируемом транспортном секторе. В общей сложности компания выплатила около 80 млн долл. США в виде незаконных пожертвований 130 членам парламента, а также нескольким десяткам местных политиков, представлявших как ЛДП, так и партии оппозиции [Sterngold, 1992].

Наибольший общественный резонанс дело «Сагава Кюбин» получило в связи с раскопанной журналистами информацией о том, что президент компании Ватанабэ Хироясу передал тогдашнему лидеру крупнейшей фракции ЛДП Канэмару Син пожертвование на сумму 500 млн иен якобы для распространения среди шестидесяти членов фракции. Поскольку сделка противоречила закону «О регулировании политических фондов», прокуратура возбудила против Канэмару дело, и он согласился заплатить штраф в размере 200 тыс. иен. 27 августа 1992 г. он ушёл в отставку с поста заместителя председателя ЛДП. Усилия прокуроров найти следы пожертвований оказались безуспешными из-за отсутствия каких-либо записей и регистрационных документов [Hayes, 2018, p. 90].

Однако столь небольшой размер штрафа и отсутствие видимой реакции со стороны однопартийцев Канэмару, которые проявили практически полное безразличие к этому скандалу, вызвали огромное негодование в обществе [Curtis, 1999, p. 87]. В результате попытка Канэмару вернуться к своим обязанностям лидера фракции провалилась. 14 октября 1992 г. Канэмару сложил с себя депутатские полномочия и ушёл с поста лидера фракции. Это в свою очередь привело к кризису руководства внутри фракции. После нескольких дней бурных дискуссий лидером был назначен бывший генеральный секретарь ЛДП Обути Кэйдзо. Однако его основной соперник внутри фракции Одзава Итиро не смирился с этим назначением и в конце концов сформировал собственную фракцию, выйдя из фракции Обути. В числе сторонников Одзава оказались многие реформаторски настроенные члены партии, недовольные царившими в партии архаичными порядками. Группа Одзава в дальнейшем сформировала собственную

политическую партию – Партию обновления, а её поддержка стала решающей для прохождения вотума недоверия правительству Миядзава, который привёл к роспуску парламента, поражению ЛДП на выборах и её уходу в оппозицию. Таким образом, дело «Сагава Кюбин» по сути стало спусковым крючком окончательного краха «системы 1955 года».

Скандал получил продолжение 13 марта 1993 г., когда полиция совершила обыск в офисе Канэмару. Было обнаружено огромное количество наличности – на сумму, эквивалентную нескольким миллионам долларов, а также большое количество золотых слитков. Масштабы показанного перед телевизионными камерами богатства вызвали взрыв общественного негодования. Дело Канэмару в этом смысле существенно отличалось от других скандалов, связанных с получением политиками крупных сумм наличности, которые при всей двусмысленности и даже криминальности этих сделок всё же использовались «по назначению». В случае же с Канэмару основная масса собранных им политических фондов, по всей видимости, так и не была направлена в привычные политические каналы: деньги шли на погашения накопленных им долгов за игру в маджонг или оставалась дома в виде наличных денег и золотых слитков [Hayes, 2018, p. 94]. Даже для пресытившейся японской общественности, привыкшей к политическим махинациям, это было слишком.

«Денежная политика» в послевоенной Японии играла роль финансовой смазки шестерёнок политического механизма «системы 1955 года». Несмотря на рутинный характер практики политического финансирования, факт остаётся фактом: значительная часть финансовых потоков имела теневой характер и в этом смысле противоречила духу и букве законодательства, регулирующего политические пожертвования.

Хотя определение политической коррупции не является догмой и допускает различные трактовки, неразрывная связь политической сферы с серыми схемами финансирования политической деятельности, очевидно, проявлялась на всех этапах политической истории страны. При этом факторы политической коррупции имели как структурно-организационную, так и юридическую природу. Структурный фактор коррупции заключался в том, что парламентарии были крайне сложно или практически невозможно обеспечить функционирование своей «политической машины» (системы взаимоотношений с избирателями) без поиска и получения настолько крупных средств, что полностью обеспечить легальность их приобретения оказывалось невозможным и, соответственно, значительную их часть приходилось получать из сомнительных источников. Например, в 1976 г. один из депутатов нижней палаты за месяц совершил 93 акта «дарения», которые включали представительские расходы на рестораны, пожертвования различным организациям, венки, закупленные в связи с участием в похоронах, денежные подарки избирателям по различным поводам и т.д. Как минимум дважды в год депутат вынужден был делать подарки местному начальству [Mitchell, 1995, p. 143].

Юридической основой «денежной политики» было несовершенство регулирующего законодательства: антикоррупционные законы были полны лазеек, позволявших легко уклоняться от их соблюдения [Stockwin, 2008, p. 141–142]. Законы превратились в эффективный инструмент против коррупции только в 1994 г., когда произошло существенное ужесточение

правил, регулирующих финансирование политической деятельности в рамках политической реформы.

Следует подчеркнуть, что важнейшую роль в этом сыграли японские СМИ, освещение которыми коррупционных схем в деятельности ведущих политиков страны дало толчок качественным подвижкам в общественном мнении страны, а это в свою очередь подготовило почву для прихода к власти сил, настроенных к коррупционной практике непримиримо. Тем не менее, остаётся нерешённым вопрос о том, почему феномен политической коррупции стал знаковой характеристикой всей послевоенной политической истории Японии, в чём причина его устойчивости и неистребимости, несмотря на все попытки покончить со столь позорным с моральной точки зрения явлением, и какую национальную специфику можно вычленил при анализе этого феномена, несомненно, общего для всех стран с демократической формой правления.

Можно выделить несколько системных факторов политической коррупции в послевоенной Японии. Во-первых, антикоррупционные законы во многих случаях не работали вообще или работали не в полную силу. Страновая специфика феномена политической коррупции заключалась в том, что законы о регулировании политического финансирования были по содержанию крайне расплывчатыми и допускали различную их трактовку. Не предусматривалось и чётких, понятных правоприменительных механизмов: законодательные нормы не всегда предусматривали формальные санкции за их нарушение, а если и предусматривали, то эти санкции в реальности не работали. Вероятность попасть в тюрьму за коррупционные преступления была настолько мала, что страх редко служил сдерживающим фактором перед соблазном получить ожидаемые выгоды от коррупционных действий.

Неспособность системы правосудия обеспечить соблюдение законов о коррупции, в свою очередь, не позволяла объективно оценить масштабы феномена политической коррупции. Пищу для размышлений давали лишь факты, обнародованные в СМИ в результате расследований. Выяснилось, например, что С. Канэмару без зазрения совести получил незадекларированных пожертвований на общую сумму в 500 млн иен, хотя закон ограничивал взносы из одного источника суммой в 1,5 млн иен.

Во-вторых, свою роль играли особенности национальной психологии и политической культуры японского этноса. Негативная реакция общественного мнения на проявления коррупции была больше поверхностной: она выражалась не в неудовлетворённости коррупцией как таковой, а в порицании тех, кто её практикует, за «отсутствие раскаяния». Традиционные ценности, например, зафиксированные в самурайской этике, устанавливают правила «пристойного поведения», соответствующего понятию чести, и требуют возмездия за нарушение этих правил. В политической культуре японцев принято, что лицо, номинально ответственное за неправильные действия (противоречащие общественным ожиданиям), должно взять на себя ритуальную ответственность. Эта ответственность, как правило, проявляется в том, что проштрафившийся политик выступает в публичном месте с заявлением о раскаянии, причём делает это в форме театрализованного действия – с глубоким поклоном, проникновенными интонациями в голосе, часто с рыданиями и иными внешними проявлениями душевного беспокойства. Чаще всего такое действие заканчивается декларацией об отставке. В реальности

политик уходит со своей должности в тень, нередко сохраняя реальную власть в партии (как это случилось с К. Танака после дела «Локхид» и Я. Накасонэ после дела «Рикруто»). После этого инцидент считается исчерпанным, а политическая карьера этого деятеля продолжается так, как будто ничего не произошло. Индальгенцией для него служит переизбрание в парламент, позволяющее вновь занимать в партии и правительстве ответственные посты. В связи с этим можно вспомнить, что ничто не помешало Э. Сато, погоревшему на «судостроительных скандалах» середины 1950-х годов, занять пост премьер-министра в 1964 г., а К. Миядзава, замешанному в скандале «Рикруто» и ушедшему по этой причине с поста министра финансов, возглавить правительство в 1991 г.

Кроме того, проблема политической ответственности за коррупцию в контексте общественной морали рассматривалась не в юридической плоскости, а скорее в контексте непристойности или чрезмерности. Скандалы вспыхивали и порождали общественные споры только тогда, когда характер коррупции или масштабы деятельности превышали определённые пределы, признаваемые общественным мнением как допустимые. Негодование избирателей по отношению к коррупционным «эксцессам» в ЛДП было поэтому связано не столько с озабоченностью по поводу коррупции как таковой, сколько с вопиющим пренебрежением политиками правилами игры. Например, в качестве такого пренебрежения были восприняты сведения о вовлечённости в коррупцию практически всего руководства ЛДП, вышедшие на поверхность в ходе расследования дела «Рикруто», или информация о несметных богатствах в доме С. Канэмару, выявленных в ходе полицейского рейда в 1992 г. – в представлении избирателей такое количество наличности и золотых слитков в руках одного политика, конечно существенно превышает любые нормы дозволенного.

В-третьих, значимым был фактор слабости и раздробленности оппозиции, который не позволял политическим скандалам иметь крупные и болезненные для ЛДП последствия. Многие ЛДП сходили с рук именно потому, что оппозиционные партии не представляли для избирателей реальной альтернативы власти ЛДП.

По сути в рамках «системы 1955 года» в стране сложился своего рода консенсус по поводу того, что ЛДП стала правящей партией по причине её хороших связей с избирателями на низовом уровне и её навыков в управлении страной, которые она доказала на практике. Хотя японцев трудно назвать политически послушными, как правило, они в своей массе почтительны к власти. В числе прочего политический конформизм японцев объясняется тем, что ЛДП строила свою политику на принципах клиентелизма: влиятельные политики, пользуясь своим высоким статусом в партии власти, проталкивали через парламент «подарочные» законы, которые приносили в их округа дожди бюджетных вливаний. Убедительным в этом отношении является рассмотренный выше пример К. Танака, которого избиратели не лишили депутатского мандата, несмотря на осуждение за получение взятки.

Таким образом, японские избиратели были склонны терпеть коррупцию со стороны выборных должностных лиц, поскольку эти должностные лица делились с ними выгодами от своего положения, обрётённого в том числе с помощью коррупционных действий. Столкнувшись с проявлениями коррупции, избиратели, бесспорно, выказывали недовольство не только отдельными политическими фигурами, но и правящей партией в целом, однако это

недовольство не доходило до желания сместить ЛДП и передать бразды правления оппозиции, так как подобный сценарий в глазах явно не склонного к «ниспровержению основ» большинства был крайне непредсказуемым и чреватым большими рисками.

Фундаментальная слабость оппозиции проявилась на выборах в нижнюю палату 1990 и 1993 гг. В результате выборов 1989 г. оппозиционные партии получили большинство в верхней палате, что поставило под угрозу и шансы ЛДП победить на выборах в нижнюю палату. В СМИ появились реальные свидетельства негативного общественного мнения в отношении ЛДП, связанные с итогами дела «Рикруто» и т.н. сексуальными скандалами (дела об аморальном поведении высших должностных лиц, в которые оказались вовлечены премьер-министры страны С. Уно в 1988 г. и Т. Кайфу в 1991 г.). Но, как выяснилось годом позднее, избиратели сочли оппозицию ещё менее привлекательной, чем ЛДП. На выборах 1990 г. ЛДП сохранила в нижней палате парламентское большинство с существенным отрывом от оппозиции, получив 275 мест, и только на выборах 1993 г. она утратила его, получив лишь 223 места.

Неготовность японцев отдать свои голоса за оппозицию даже при существенном уровне недовольства партией власти была связана и с тем, что многие оппозиционные политики сами не избежали обвинений в коррупции. В финансовые и другие виды скандалов (как было показано на примере дела «Рикруто») оказались вовлечены практически все партии оппозиции, включая Комэйто, ПДС и СПЯ. Что касается коммунистов, в их адрес в СМИ также звучали периодические обвинения, дискредитирующие партию в глазах общественного мнения. Например, в 1992 г. по престижу партии сильно ударило т.н. дело Носака².

К тому же оппозиция для обеспечения финансирования нередко использовала те же методы, что и ЛДП, пользуясь лазейками в законе «О регулировании политических фондов». По этой причине даже оппозиционные политические партии не проявляли большого энтузиазма в отношении кардинальных реформ в сфере регулирования политических фондов. И уж конечно, в самой правящей партии всегда существовала мощная и влиятельная оппозиция любым попыткам реформ. Так, чрезмерная активность в этом направлении была одной из причин отставки Т. Мики с поста премьер-министра в конце 1976 г. Нельзя не признать, что и уход Т. Кайфу с поста премьера в 1991 г. был спровоцирован сильным внутривнутрипартийным недовольством его активностью по изменению правил, регулирующих политическую деятельность депутатов. Понимание необходимости реформ пришло в ЛДП только после того, как в 1993 г. правительство Миядзава получило вотум недоверия в результате неспособности провести обещанную политическую реформу. На последовавших за вотумом выборах ЛДП потеряла большинство в нижней палате и впервые за 38 лет была вынуждена уйти в оппозицию.

Только в 1994 г., уже после ухода ЛДП в оппозицию, в рамках политической реформы была проведена реформа избирательной системы. Средние округа были упразднены, а на их место введены малые округа, в которых в центре избирательной борьбы, как предполагалось, будет стоять не личность конкретного кандидата, а бренд политической партии. Поскольку

² В сентябре 1992 г. в журнале «Сюкан бунсюн» были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что один из соучредителей КПЯ – Носака Сандзо, длительное время занимавший пост председателя партии во время работы в Коминтерне в конце 1930-х годов, написал донос в НКВД на своего партийного товарища, который в результате был казнён. После публикации 100-летнего Носака исключили из КПЯ.

победителем в малом округе является только один кандидат, ЛДП вынуждена была отказаться от выставления в одном округе нескольких кандидатур, как это было при старой системе. Таким образом был поставлен заслон крайне затратному соперничеству между кандидатами от одной партии, порождающему пресловутую «денежную политику». Одновременно были ужесточены требования в отношении регулирования политических фондов. В результате затратный характер избирательных кампаний существенно ослабился.

Политические скандалы ослабляли систему власти ЛДП, но не могли стать достаточной причиной для её падения. Безусловно, неспособность ЛДП сохранить парламентское большинство на выборах 1993 г., которая привела к краху «системы 1955 года», можно отчасти объяснить недовольством избирателей коррупцией, однако этот феномен явился скорее внешним проявлением общего кризиса системы власти ЛДП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М.: Наука, 1988.

Пантелеева М. Антикоррупционные меры в сфере японской политики // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 158–164.

Carlson M. Money in Japanese Politics. Regulation and reform // The Routledge Handbook of Japanese Politics. London and New York: Routledge, 2011.

Corruption and government scandals in Japan 2010. URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item799.html> (дата обращения: 23.09.2018).

Cutris Gerald L. The Japanese way of politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1988.

Curtis Gerald L. The logic of Japanese politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1999.

Hayes, Louis D. Introduction to Japanese politics. 6th ed. London: Routledge, 2018.

Hrebenar Ronald J. The Japanese party system. Oxford: Westview Press, 1992.

Masumi Junnosuke. Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile. Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press, 1995.

Mitchell, R. Political Bribery in Japan. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii Press, 1996.

Sterngold James. Another Scandal in Japan, This Time Involving Billions// The New York Times. 23.02.1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/02/23/weekinreview/another-scandal-in-japan-this-time-involving-billions.html> (дата обращения: 23.09.2018).

Stockwin J.A.A. Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy. 4th ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

REFERENCES

Carlson, M. (2011). Money in Japanese Politics. Regulation and reform, in A. Gaunder (ed.), *The Routledge Handbook of Japanese Politics*, London and New York: Routledge: 70–80.

Corruption and government scandals in Japan 2010, URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item799.html> (accessed: 23 September 2018).

Curtis, G. (1999). *The logic of Japanese politics*, New York: Columbia University Press.

Cutris, G. (1988). *The Japanese way of politics*, New York: Columbia University Press.

- Hayes, L. (2018). Introduction to Japanese politics, 6th ed., London: Routledge.
- Hrebear, R. (1992). The Japanese party system, Oxford: Westview Press.
- Makarov, A. (1988). Politicheskaya vlast' v Yaponii [The Political power in Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Masumi, J. (1995). Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.
- Mitchell, R. (1996). Political Bribery in Japan, Honolulu, Hawaii: University of Hawaii.
- Panteleyeva, M. (2009). Antikorruptsionnyye mery v sfere yaponskoy politiki [Anticorruption measures in the sphere of Japanese politics], *Rossiya i ATR*, 1: 158–164. (In Russian).
- Sterngold, J. (1992). Another Scandal in Japan, This Time Involving Billions, *The New York Times*, February 23, URL: <https://www.nytimes.com/1992/02/23/weekinreview/another-scandal-in-japan-this-time-involving-billions.html> (accessed: 23 September 2018).
- Stockwin, J.A.A. (2008). Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy, 4th ed., Oxford: Blackwell Publishing.

Поступила в редакцию 23.09.2018

Received 23 September 2018

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. №4. С. 44–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

For citation: Streltsov D.V. (2018). Politicheskaya korruptsiya v Yaponii v period «sistemy 1955 goda» [Political corruption in Japan during the “1955 system”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2018, 4: 44–59. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027